

МАРИНА ВЕТРОВА

СЕГОДНЯ
Я ВЫБИРАЮ
СЕБЯ

МОИ
АКТИВЫ
МОЕ БУДУЩЕЕ

ИНВЕСТИЦИИ
НЕДВИЖИМОСТЬ
СВОБОДА
ДЕТИ
СЧАСТЬЕ

БОЛЬШИЕ
ПЛАНЫ

Измена мужа.
Заберу детей
и миллионы!

Марина Ветрова

**Измена мужа. Заберу
детей и миллионы!**

«Автор»

2026

Ветрова М.

Измена мужа. Заберу детей и миллионы! / М. Ветрова —
«Автор», 2026

В машине мужа я нашла чужой шёлковый шарф. От него пахло духами женщины, которую Сергей называл своей коллегой. Я потребовала объяснений. В ответ муж объявил меня сумасшедшей. Он заблокировал мои счета, настроил против меня друзей и убедил собственных детей, что мать опасна. А потом я узнала правду. Сергей готовил документы для моей принудительной госпитализации. Пока я буду заперта в клинике, он с любовницей присвоит наши деньги и заберёт детей. Но мой муж забыл одну деталь. Я десять лет руководила банковскими рисками и умею находить чужие ошибки. Теперь рядом со мной мужчина, который поможет превратить его идеальный план в катастрофу. Предатель, ты выбрал не ту жертву!

© Ветрова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Марина Ветрова

Измена мужа. Заберу детей и миллионы!

Глава 1

Запах ударил в ноздри прежде, чем я успела захлопнуть дверцу. «Maison Francis Kurkdjian». Сладость липла к нёбу; хотелось откашляться. Сергей называл эти духи «химической отравой для мозгов» и «ароматом дешевых шлюх из бизнес-класса». Мне от них всегда болела голова, а он ещё и высмеивал женщин, которые их носили: стараются дорого пахнуть, раз больше нечем похвастаться. Теперь ими пахло у него в машине. Я наклонилась к подголовнику, почти коснулась кожаной обивки носом. Здесь пахло сильнее. Сквозь привычный табак и Сергеев одеколон пробивалась чужая сладость.

— Ты опять за своё? — Сергей поправил зеркало заднего вида. Через него посмотрел на меня, хотя мог просто повернуться: машина ещё стояла. Постучал пальцами по рулю, дожидаясь ответа. — В машине чисто. Я проветривал перед тем, как сесть.

Ремень ещё лежал у меня на коленях. Я никак не могла попасть язычком в замок и дважды ткнула им в обивку. Сергей всегда ворчал на тех, кто льёт на себя духи, открывал окно даже зимой. Сейчас стёкла были подняты, а он уже защищался от вопроса, которого я не задала. — Я ничего не сказала, Серёж. — Зато лицо у тебя красноречивое. Пристегнись. Замок наконец щёлкнул. Мне вдруг захотелось тут же его расстегнуть.

Сергей тронулся с места, плавно вливаясь в поток ночной Москвы. После корпоративного банкета у меня раскалывалась голова. Под воротником натирала бирка платья; дома я собиралась снять его и забраться к Лере под одеяло, пока она не уснула. Вместо этого сидела прямо, стараясь не касаться подголовника. Откуда здесь этот запах? Кто откидывался на моём месте, когда Сергей вёз её домой?

Обернувшись, я заметила под задним сиденьем уголок ткани. Он торчал из-под коврика; пришлось перегнуться через подлокотник и потянуть за край. Шёлк скользил в пальцах. Я вытащила шарф цвета увядшей розы и расправила его на коленях. На бирке вытканы золотистые инициалы: «Е.К.»

— Чья это вещь? — спросила я тихо. Расправила уголок с буквами. На такой ткани инициалы вышивают на заказ. Хозяйка собиралась носить этот шарф долго; не бросать его на полу чужой машины.

Сергей брезгливо поморщился, будто я показала ему дохлую крысу. Он схватил шарф двумя пальцами, не касаясь ткани ладонью, и стряхнул его на пол, прямо под ноги. — Это Ева, новый аудитор из головного офиса. Забыла после совещания. Я собирался выбросить утром, если она не напишет. Не драматизируй, Алина.

На пальцах осталась дорожная пыль. Шарф был под ковриком, а не на сиденье, куда обычно кладут забытые вещи. Я посмотрела на Сергея: он уже тянулся к переключателю поворота, закончив разговор. — Ты собирался выбросить именно шарф коллеги? — А ты предлагаешь открыть бюро находок? Он усмехнулся. Я машинально сжала запylённые пальцы, будто ткань всё ещё была у меня.

Я сглотнула, но во рту всё равно было сухо. Сладкий запах оседал на языке. Стоило посмотреть на брошенный шарф, и к горлу подкатывала тошнота. Хотелось наклониться к окну и вдохнуть хоть выхлоп, хоть сырость — что угодно с улицы. — Открой окно, — попросила я. Голос дрогнул, и я возненавидела себя за это. — Мне душно. Пахнет... химией.

Сергей резко развернулся к панели управления. Щелчок. Стекла заблокировались. Заскрежетали замки дверей — автоблокировка включилась. — Хватит истерить! — рыкнул

он, повышая голос впервые за весь вечер. Он подался ко мне, и я отодвинулась к двери. Говорил теперь прямо в лицо, перестав смотреть на дорогу. — Мы едем домой. Дети спят. Не смей портить мне вечер своими комплексами и паранойей. Сиди тихо.

Я нажала кнопку стеклоподъёмника. Ещё раз. Ничего. Потянула ручку двери и только тогда посмотрела на спидометр: шестьдесят. Мне некуда было выйти, а Сергей уже опять смотрел на дорогу. — Разблокируй окно. Я прошу окно, не развод. — Значит, с разводом ты уже определилась? Я убрала руку с кнопки. Он заметил это и прибавил громкость радио. Мужской голос запел о любви; хотелось содрать динамик с двери.

На красном Сергей затормозил. В кармане пиджака засветился телефон, и он сразу опустил к нему глаза. Я потянулась за аппаратом: прочесть хотя бы имя, прежде чем он погасит экран. Сергей перехватил меня за запястье. Я дёрнулась, ударила локтем о подлокотник; от боли на миг потемнело перед глазами. Другой рукой он вынул телефон и повернул ко мне. На экране блокировки ничего не было. — Никаких сообщений. Никаких звонков, — процедил он сквозь зубы, сжимая мою руку сильнее, пока я не вскрикнула. — Ты меня бесишь своей недоверчивостью. У тебя мания величия, Алина. Тебе нужен врач.

Я не могла повернуть ладонь: он держал её под неудобным углом, и боль уходила в локоть. На экране не было уведомлений. Что он успел смахнуть, я не разобрала. — Пусти. Ты делаешь мне больно. Сергей отпустил не сразу — дождался, пока я перестану тянуться к телефону. Подтянула рукав на запястье. Красная полоса всё равно оставалась видна. Завтра Тимур спросит, обо что я ударилась; мне уже сейчас пришлось выбирать ответ.

У дома я вышла первой. Под каблуками захрустел гравий; пришлось опереться о дверцу, чтобы удержаться на ногах. Запястье ныло. Пока Сергей выбирался из машины, я подтянула рукав ещё раз — при нём, надеясь, что хотя бы теперь он заметит. Он захлопнул дверцу и пошёл к дому. Я направилась к гаражу, чтобы проверить вторую машину. Служебный BMW Сергея. По его словам, он весь день был в офисе на другом конце города, встречался с клиентами, а потом заехал за мной на корпоратив. Свет в гараже не включился автоматически. Датчик движения, который мы ставили два года назад, молчал. Или его кто-то отключил. Я щелкнула выключателем вручную. Яркий белый свет озарил бетонный пол. BMW стоял ровно. Но на полу, рядом с передним колесом, чернели свежие следы шин. Они вели к стене, будто машина только что заехала, развернулась и встала на место. А чуть дальше, на бетоне, блестя капля масла. Вокруг неё ещё не успела осесть пыль. Машину недавно переставляли. Но когда именно? Я присела у колеса: ни масло, ни следы не могли рассказать, где Сергей провёл день. Мне хотелось доказательства, а пока были только вопросы. За десять лет в отделе рисков я достаточно насмотрелась на убедительные объяснения к пустым строкам. Только здесь мне страшно было самой вписать недостающее. Сергей мог соврать клиенту, акционеру, кому угодно. Почему я решила, что для меня у него другие правила?

Я прошла в дом, стараясь дышать ровно. Кухня встретила меня полумраком. На столе стоял ужин. Два бокала. Один пустой, со следами красной помады на краю. Во втором оставалось вино. Сергей прошёл мимо, не глядя на стол. Его плечи были расслаблены, шаг уверенный. — Я заказал ужин, думал, ты проголодаешься после нервного срыва в машине, — бросил он, направляясь в кабинет. — Поешь. Потом обсудим твою истерику. Дверь кабинета осталась приоткрытой. Узкая полоса света падала на паркет.

Из кабинета донёсся женский смех. Я подошла ближе: он включил громкую связь. Смех был знакомый, я узнала его сразу. Замерла у двери, дожидаясь, когда она заговорит. Сергей заговорил вполголоса, растягивая слова, как раньше по вечерам со мной, когда дети наконец засыпали: — Она всё равно купится на эту байку с аудитором. Алина всегда верила в цифры, а не в людей. Ей проще потерять мужа, чем признать, что её обманывают профессионально. Женский голос хихикнул: — Ты страшный человек, Сереж. — Для нее — единственный вари-

ант выживания, — ответил он. — Активы нужно перевести до конца квартала. А эта овца будет сидеть в своем углу и ждать, пока я скажу ей, когда идти спать.

Я отступила от двери и задела пяткой детский кроссовок. Тимур опять бросил его посреди коридора. Наклонилась, подняла, расправила завёрнутый язычок — мне нужно было сделать хоть что-то обычное. «Эта овца». Он называл меня так в нашем доме, пока дети спали наверху. И обсуждал не свидание, а перевод активов. Руки у меня замерли на шнурках. Завтра утром я должна буду кормить детей рядом с ним, передавать сахар, спрашивать, во сколько он вернётся. Сергей замолчал и повернулся к двери. Я всё ещё держала кроссовок. Он положил телефон на стол экраном вниз; отодвигать его подальше даже не стал. Он посмотрел сначала на кроссовок в моей руке, потом на меня. Слегка поднял брови, как поднимал их на совещаниях, когда кто-то перебивал его доклад. Ни оправдания, ни вопроса, сколько я слышала. Ждал, когда я перестану стоять в дверях. — Ужин стынет, дорогая, — сказал он мягко, почти нежно. — Иди есть. Нам нужно обсудить твой следующий визит к психологу. За мой счет, конечно.

Он улыбнулся, и я вспомнила, как пять лет назад он подвинул ко мне кредитные договоры: «Тут стандартно, Алин. Подпиши, ужин остынет». Тогда я оставила ему документы и пошла резать хлеб. Сейчас на кухне тоже ждал ужин. Я стояла с детским кроссовком в руке и впервые не сделала то, что он сказал.

Глава 2

В головном отделении банка я держала карту перед терминалом самообслуживания. На пластике было моё имя. Провела большим пальцем по буквам и ещё раз сверила с надписью на экране: «Операция отклонена. Счет заморожен по требованию держателя».

— Это невозможно, — прошептала я. Палец попал мимо кнопки «Повторить». Я протёрла экран рукавом, хотя прекрасно видела надпись. Стояла перед ним как клиент, которому сама вчера объясняла: ошибка терминала бывает, попробуйте ещё раз. Попробовала. Надпись не изменилась.

Молодой операционист за стеклом отвёл глаза. Ещё месяц назад он заходил ко мне уточнить расчёт резервов, держал блокнот двумя руками и боялся показаться глупым. Я объяснила ему на примере, он поблагодарил трижды. Сегодня в блокнот он не смотрел: ждал, когда я уйду.

— Алина Сергеевна, у нас регламент, — сказал он тихо, чтобы не услышал другой клиент. — Директор филиала заблокировал все доступы к совместным счетам для пересмотра структуры активов. Мне нужно подтверждение от него лично.

Нужно подтверждение Сергея. Вчера утром он целовал меня в макушку, говорил, что любит наш дом больше всего на свете. Я стояла перед сотрудником нашего банка и пыталась совместить это с ночным разговором в кабинете. С шарфом Е.К. на полу его машины. Любит дом. А меня уже собирался отправить к психологу за свой счёт — теперь ещё и платить было нечем.

— Позвоните ему, — потребовала я, чувствуя, как горло сжимает спазм. — Прямо сейчас.

— Я не могу звонить директору по вопросам разблокировки без письменного запроса. Парень придвинул к щели под стеклом бланк. Я взялась за край, но не потянула: что мне писать? «Прошу мужа вернуть мои деньги»? За спиной переступил с ноги на ногу следующий клиент.

На улице ноябрьский ветер сразу забрался под шарф. Я полезла за телефоном — открыть приложение, ещё раз проверить остаток — и остановилась. Перед глазами стояла красная надпись. Деньги были нужны сегодня: не на новую жизнь, о которой я даже не умела думать, а на один разговор с юристом без Сергея рядом. Десять лет работы, премии, переработки — и я не могла оплатить час чужого времени. Он называл общий счёт удобством. «Зачем нам два бюджета? Мы же семья». Я каждый месяц переводила туда зарплату сама.

Дома я сразу прошла на кухню. Сергей сидел с ноутбуком и пил кофе из белой фарфоровой кружки. «Лучшему мужу года» — мой прошлогодний подарок. Когда выбирала, надпись показалась смешной: дети тогда устроили ему вручение, потребовали речь победителя. Он говорил, что самая большая награда — это мы. Сейчас я стояла у стола с бесполезной картой в пальцах.

Он даже не поднял головы, когда я вошла.

— Ты блокировал мои счета? — голос дрожал, но я сжала кулаки, стараясь говорить ровно.

Сергей дочитал строку на экране и только потом закрыл ноутбук. Подвинул его от края стола, освобождая место передо мной. Будто я пришла завтракать. Мне хотелось ударить картой по столу, заставить его наконец посмотреть на неё.

— Алин, присядь, — сказал он мягко. — Ты вся трясешься. Выпей воды.

— Ответь на вопрос! Почему система пишет, что держатель карты инициировал блокировку? Это я держатель! Или нет?

Он снял очки, потёр переносицу. Я уже знала эту паузу: так он выслушивал подчинённых, прежде чем объяснить, где они ошиблись. Мне тоже предлагалось подождать, пока он соберётся с терпением.

— Ты ведешь себя странно последние дни, — начал он, вставая и подходя ближе. Его запах — дорогой одеколон, свежий кофе — вдруг показался мне фальшивым, маскирующим тот сладкий аромат духов. — Вечеринка после корпоратива... ты напилась. Ты кричала на меня в машине. Ты искала какие-то бредовые доказательства измены. Шарф? Алина, это был платок коллеги, который она забыла в такси, которое я случайно поймал. И эти духи? Они на мне потому, что я обнимал ее в знак соболезнования, у нее умер дед.

— Ты презирал эти духи! — выкрикнула я. — Ты называл их «запахом дешевой шлюхи», помнишь?

Сергей сжал дужку очков. Я следила за его пальцами, опасаясь, что он опять схватит меня за руку. Он заметил, куда я смотрю, и положил очки на стол.

— Видишь? — произнес он тихо, почти шепотом. — Ты истеришь. Ты перевираешь слова, которые я не говорил. Ты параноидальная, дорогая. Я боюсь за тебя. За твою карьеру. За детей. Поэтому я ограничил доступ к деньгам. Чтобы ты успокоилась. Чтобы ты не совершала импульсивных поступков. Ты нуждаешься в отдыхе. Может быть, в помощи специалиста.

Я смотрела на кружку «Лучшему мужу года». Хотелось взять её и повернуть надписью к нему. Спросить, сколько дней мне отводится на отдых и кто будет решать, когда я достаточно спокойна. Но он уже стоял рядом; до дверного проёма нужно было пройти мимо него. — Я хочу доступ к своим деньгам, а не отдых. — Вот. Ты даже простой совет принять не можешь. Часы щёлкнули над холодильником. Сергей поднял кружку, а я вспомнила его вчерашнее «следующий визит». Теперь у меня были визиты, которых не было, и болезнь, которую он уже обсуждал с другими.

Я схватила телефон, набрала Катин номер. Лучшая подруга, свидетельница моей свадьбы, человек, которому я рассказывала о каждой мысли.

— Привет, — голос Кати звучал натянуто.

— Катя, мне нужна помощь. Срочно. Сергей... он всё сделал, чтобы оставить меня без денег. Он говорит, что я больна. Мне нужен адвокат, независимый, не из его сети контактов. У тебя есть связи?

На том конце зашумел чайник. Катя ничего не отвечала, хотя обычно успевала перебить меня ещё на приветствии. Я дождалась, пока она выключит его. — Катя, ты слышишь? Мне нужен номер адвоката. — Слышу.

— Алинка... — начала Катя неуверенно. — Я видела посты в корпоративном чате. Коллеги жалуются, что ты устроила скандал на совете директоров, обвиняла мужа в чем-то непонятном. Говорят, ты неадекватна. Сергей очень переживает. Он просил передать, что если ты будешь продолжать в том же духе, это повредит его репутации и, соответственно, вашим детям.

— Какие посты?! Я ничего не говорила на совете! Я только забирала документы!

— Ну... может, ты не помнишь? Из-за стресса? — голос Кати стал еще тише, в нем появилась нотка жалости, от которой хотелось разбить телефон об стену. — Ладно, давай не будем нагнетать. Ты правда выглядишь плохо. Подумай о детях. Не разрушай семью из-за своих фантазий.

Я сбросила вызов прежде, чем начала уговаривать. На свадьбе Катя придерживала мне фату, пока я застёгивала туфлю, и шептала: «Скажешь — убежим». Тогда мы обе смеялись. Сейчас я попросила всего лишь номер телефона. В списке контактов она по-прежнему была «Катюша». Палец задержался на имени. Удалять не стала: не хотела, чтобы Сергей отнял у меня ещё и право самой решить, что с ней делать.

В детской послышался плач. Тихий, сдавленный.

Тимоша сидел на полу среди разбросанных учебников и утирал нос рукавом. В двенадцать лет он уже стеснялся, когда я называла его малышом при друзьях. Сейчас плакал, как в первом классе, и я опустилась перед ним на колени, обняла. От волос пахло детским шампунем. Прижалась щекой к его макушке, торопясь согреть, утешить, пока он не попросил уйти.

— Тимоша, что случилось? Мамочка здесь. Все хорошо.

Тимоша вывернулся из объятий, упёрся ладонью в пол. Я потянулась за ним и остановилась: он снова отодвигался. На меня смотрел снизу вверх, хотя ещё утром я целовала его перед школой и он сам придерживал меня за локоть.

— Папа сказал, что ты больная, — прошептал он. — Что нельзя тебя трогать, пока ты не успокоишься. Ты можешь навредить.

Я убрала руки с его плеч. На свитере осталась нитка от моей кофты; хотелось снять её, но Тимоша уже отодвинулся. Он боялся прикосновения собственной матери. — Посмотри на меня. Я тебе когда-нибудь делала больно? Он дёрнул плечом. Не ответил. Я не знала, что страшнее: что он мне не верит или что боится сказать отцу, если поверит.

— Папа неправ, малыш, — выдохнула я, пытаясь улыбнуться, но губы не слушались. — Мама просто расстроена. Мы вместе справимся. Договорились?

Тимоша отвернулся и взялся за учебник алгебры. Открыл с конца, у ответов. Обычно я шутила: «Начальство проверяет результат?» Сейчас шутка застряла. Я села рядом на пол, оставив между нами место. Если он не хочет объятий, я могу хотя бы не уходить сразу.

Глава 3

Я встала, ноги гудели. Пошла в ванную. Заперлась. Зеркало над раковиной показало мне чужую женщину. Красные глаза, опухшие веки, растрепанные волосы, выбивающиеся из хвоста. Угол рта дёргался, сколько ни стискивай зубы. Я попробовала убрать волосы за уши, привычный рабочий жест, и увидела красную полосу на запястье.

«Может, они правы? Может, я правда схожу с ума?» — шептал голос в голове. «Шарф мог быть случайностью. Духи могли остаться от клиента. А эта злость, эта одержимость цифрами и деталями... разве это нормально?»

Я схватила стакан с зубными щётками и швырнула его в раковину. Стекло звякнуло, осколки брызнули в разные стороны. Я замерла, глядя на свои руки. Они были белыми от напряжения, ногти врезались в кожу ладоней.

Одна из щёток упала на пол. Тимошина, синяя. Я подняла её и придержала рукав, чтобы не намочить. Полоса на запястье никуда не делась. Сергей зажал его вчера, пока я пыталась достать телефон. Это произошло. Как бы он ни пересказывал нашу поездку Кате и детям, я сидела в той машине и просила открыть окно.

Я положила щётку на край раковины. Сейчас он ждал от меня оправданий: про духи, шарф, визиты к врачу. Стоило спросить про деньги, и разговор опять сворачивал к моему здоровью. А если перестать спорить? Он будет советовать отдых, я — сидеть над отчётами. Я уже слышала в кабинете про перевод активов. Нужно найти, что именно он переводит, пока он занят моей «болезнью».

Он видел след каждый раз, когда я тянулась к чашке, и ни разу не отвёл глаза. Хорошо. Пусть смотрит на руку и не спрашивает, что я успела прочесть.

На следующий день я пришла в офис. Не к себе, в свой кабинет отдела рисков, а к ресепшену главного холла. Нужно было забрать куртку, оставленную на вешалке гардероба, и некоторые личные мелочи.

Лифт ехал бесконечно долго. Когда двери открылись, я увидела знакомые лица коллег. Они обсуждали квартальный отчет, смеялись. Но стоило мне шагнуть в зону видимости, смех оборвался. Взгляды скользнули по мне, как по прокаженной, и тут же отвернулись. Кто-то демонстративно ушел в переговорную. Секретарша, молодая девочка, обычно приветливая, смотрела в монитор с каменным лицом.

— Здравствуйте, — сказала я, пытаюсь изобразить улыбку. — Можно ли мне взять вещи из гардероба?

Она даже не повернула голову.

— Сергей Валентинович просил передать, что личные проблемы не должны затрагивать рабочий процесс, — монотонно пробубнила она. — Если вам нужно оформить отпуск за свой счет, обратитесь к HR. Сейчас идет совещание по аудиту.

Аудит. Ева. Старший аудитор. Она была там.

Я постояла ещё секунду, ожидая, что секретарша хотя бы покажет на гардероб. Она передвинула мышь, открыла другое окно. При мне. — Куртку я всё-таки заберу, — сказала я. Повесила её на сгиб руки и только потом пошла к лифту. Коллега у переговорной отвёл взгляд слишком поздно: я успела увидеть, как он рассматривает моё запястье. В этой куртке я десять лет приходила сюда на работу; сегодня она была единственной вещью, которую я смогла вынести без разрешения мужа.

Выходя из здания банка, я нырнула в ближайшую кофейню, чтобы согреться и прийти в себя. Заказала капучино, хотя руки тряслись так, что чашка стучала о блюдце.

— Тяжелый день?

Голос был низким, бархатным, с легкой хрипотцой. Я вздрогнула и подняла глаза.

За соседним столиком сидел Марк. Мы дружили со времён университета, но в последние годы виделись редко. Он был другим. В университете — студент с вечно взъерошенными волосами и мечтами о свободе. Сейчас — уверенный в себе мужчина в дорогом костюме, с холодным, внимательным взглядом серых глаз. Рядом лежал портфель из черной кожи, такой же дорогой, как часы на его руке. Независимый финансовый консультант. Решала.

— Марк? — удивление прорвалось сквозь апатию.

— Алина, — он кивнул, не вставая. — Ты изменилась. И не в лучшую сторону.

Я хотела сказать «привет», спросить, как дела, но язык отказывался повиноваться этикету. Слова полезли сами собой, хаотичные, сбивчивые.

— Он... он заблокировал счета. Он говорит, что я параноик. Был шарф. Духи. Ева. Я не знаю, что делать. У меня нет денег. Дети думают, что я больна.

Марк отодвинул портфель с соседнего стула, пока я говорила. Я осталась сидеть за своим столиком: не хотела выглядеть так, будто пересела к первому мужчине, предложившему место. Он не уговаривал. Подождал, пока я выговорюсь, и подвинул ко мне салфетки. — Про детей — отдельно, — сказал он. — Сейчас разберёмся с аудитором.

— Ева Крамер? — уточнил он, услышав имя.

— Да. Аудитор.

Марк наклонился к столу. До этого он слушал, давая мне путаться в словах; теперь повторил её фамилию вполголоса, словно сверял с тем, что уже знал. Я перестала теребить салфетку.

— У них схема вывода активов через фиктивные контракты, Алина. Ева в ней нужна как аудитор. Они партнёры в преступлении, а романом прикрывают то, что делают с деньгами. — От кого прикрывают? — От тех, кто может счесть подозрительными их встречи. Сплетню про любовницу обсудят и забудут. Пропавшие деньги так не забудешь. Я сжала салфетку в кулаке. Он говорил про контракты, а я всё ещё видела шарф у себя на коленях. — Он сказал ей, что активы нужно перевести до конца квартала. Я слышала вчера. Марк кивнул. Не удивился — и мне стало страшнее. — Значит, времени у нас немного.

— NDA, — добавил Марк, заметив мою растерянность. — Я связан договором о неразглашении с этим банком как внешний консультант. Я не могу вмешаться официально. Но я знаю, куда смотреть.

Он достал визитку. Черную, матовую, с золотым тиснением. Только номер телефона и имя частного детектива, которого я никогда раньше не слышала.

— Не ходи к юристам через банк, — Марк положил визитку рядом с моей чашкой. — И Сергею про этот разговор не говори. Пусть пока ждёт, что ты снова будешь спрашивать про шарф. — А я должна соглашаться, что больна? — Спорить с ним каждый раз ты уже пробовала. Счета открылись? Я посмотрела на визитку. Он говорил неприятные вещи. Зато не просил беречь репутацию мужа. — Пусть видит то, чего ждёт, — продолжил Марк тише. — Пока занят твоими слезами, у тебя будет шанс найти документы.

Я посмотрела на визитку. Затем на Марка. Он уже встал, надевая пальто.

— Держись, Алина. Ты умнее, чем думаешь.

Он ушел, растворившись в толпе прохожих.

Я сидела еще десять минут, глядя в остывающий кофе. Кофе оставил на языке кислый привкус. Я допила его, хотя уже не хотела: сама заказала, сама выбрала этот столик. На визитке был номер человека, которому Сергей не успел объяснить, что со мной не нужно разговаривать. Боялась я ничуть не меньше. Зато знала, какой номер набирать следующим.

Я взяла визитку, свернула её в трубочку и сунула в бюстгальтер, под тонкую ткань блузки. Кожа горела от прикосновения бумаги.

Поднимаясь с места, я прошла мимо охранника банка, который следил за входом. Он смотрел на меня с привычным равнодушием, ожидая увидеть истерику.

Я остановилась и улыбнулась ему. Опустила подбородок, как только он встретился со мной взглядом. Хотелось спросить, что Сергей уже успел ему рассказать, но я прикусила щёку изнутри и прошла мимо.

Охранник выдохнул и отвернулся к входу. Даже не попросил задержаться.

На улице я поправила блузку: край визитки неприятно царапал кожу. Этот маленький дискомфорт даже помогал. Бумага была при мне, а охранник ничего не заметил. Дома я могла снова дрожать над чашкой и выслушивать советы лечиться. Только теперь Сергей не знал всего, что у меня есть.

У кассы пахнет прелыми яблоками. Из корзинки торчит батон; я вдавливаю его между молоком для Тимура и пачкой макарон, чтобы никому не мешать. Позади переступают с ноги на ногу. Все покупки уже пробиты, осталось приложить карту — и можно домой. На этот раз беру только то, без чего завтра не обойтись.

— Проведите карту, пожалуйста, — бормочет кассирша, не поднимая глаз.

Прикладываю карту и жду писка. Терминал пищит, но кассирша уже качает головой: отказ. Может, к этой карте ещё оставили доступ? Подношу её снова, слишком быстро, и роняю. Пока нагибаюсь, кто-то за спиной отодвигает тележку, освобождая мне место. От этого услужливого скрипа колёс лицо горит ещё сильнее. Во второй раз — отказ. В третий держу карту неподвижно, пока кассирша не показывает на красную надпись. Счёт заморожен. Всё-таки и этот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.